

Марискин Олег Иванович

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА И СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР: ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В статье исследуется роль налоговой политики в сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР, анализируются особенности налогообложения единоличных крестьянских хозяйств, "кулацких" хозяйств, колхозов и колхозников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 121-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Узники тюрем в XVII в. должны были сами заботиться о себе, в итоге, сидевший две недели в тюрьме Овсянников потратил 50 рублей. В своей челобитной лебедянец просил освободить его из тюрьмы и вернуть ему потраченные деньги. В качестве свидетелей он указывал на сокольских драгун, находившихся в Воронеже. В доказательство того, что он не присваивал себе мирских денег, Овсянников прислал также роспись посланников с Лебедяни в Воронеж со стругами, где часто фигурировало его имя. Тем самым он указывал на то, что много раз возил струги в Воронеж, но никогда в воровстве денег замечен не был.

После первой челобитной, Овсянников написал вторую, в которой вновь объяснял ситуацию и просил вместо очной ставки принять его челобитную. Когда все обстоятельства выяснились, конфликт был исчерпан. Лебедянцы вернулись ни с чем.

Волнения в Лебедяни, хотя и не вылились в открытый протест и столкновения с воеводой, все же представляют интерес в качестве показательного примера. Прежде всего, мы видим, как нелегко приходилось лебедянскому миру исполнять многочисленные службы и, особенно, струговое дело. Однако, в отличие от других уездов, более сплоченное местное общество совместными усилиями справлялось со своими повинностями.

Можно также обратить внимание на взаимоотношения при этом воеводы и мира. Воевода выступал как «радатель о государевом деле», однако его действия находились под пристальным вниманием местного общества, которое выполняло контролирующую функцию, хотя эта функция юридически и не была зафиксирована.

Список литературы

1. Гамаюнов А. И. Лебедянь. Близость начала // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Липецк, 2005. С. 12-18.
2. Ляпин Д. А. Народные волнения в России в середине XVII в. // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 15-28.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 1.
4. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1975. 245 с.

DISORDERS IN LEBEDYAN' IN THE MIDDLE OF THE XVIITH CENTURY

Denis Aleksandrovich Lyapin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History and Archeology
Elets State University named after I. A. Bunin
denis-l@mail.ru

The author considers the events which took place in the town of Lebedyan' in the middle of the XVIIth century, were connected with the confrontation of the authorities and local community and led to disorders. Disorders in Lebedyan' are the example of the voivode and people interaction in province but these disorders haven't been studied by historical science so far.

Key words and phrases: Lebedyan'; voivode; people; public unrest; duties; service; tsar.

УДК 94(470):336.221:338.43.02

В статье исследуется роль налоговой политики в сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР, анализируются особенности налогообложения единоличных крестьянских хозяйств, «кулацких» хозяйств, колхозов и колхозников.

Ключевые слова и фразы: единый сельскохозяйственный налог; единоличное крестьянство; индивидуальное обложение; коллективизация; обязательные платежи; тяжесть налогообложения.

Олег Иванович Марискин, д.и.н., профессор
Кафедра экономической истории и информационных технологий
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
mariskinoi@mail.ru

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА И СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР: ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ©

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РМ, проект № 11-11-13002 а/В.

Налогообложение крестьянства в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства нашло определенное отражение в отечественной исторической литературе [1; 2; 5-8; 10; 12]. Однако, несмотря на пристальное

внимание, уделяемое историками и экономистами налогообложению российского крестьянства, ее историография все еще фрагментарна. Отдельные аспекты темы исследованы неравномерно и регионально.

В годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х – 1930-х гг. в реализации налоговой политики стал резче проявляться социально-классовый подход. Сбор налогов с единоличных крестьян тесно увязывался с процессом коллективизации и раскулачивания. Так, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1930 г. отмечалось: «Рост коллективизации сельского хозяйства, охватившей уже значительную часть крестьянских хозяйств страны, переход к сплошной коллективизации целых округов и областей (краев) и ставшая в связи с этим в районах сплошной коллективизации задача ликвидации кулачества как класса делают необходимым такой пересмотр закона о сельскохозяйственном налоге, который обеспечивал бы всемерное содействие росту крупного коллективного хозяйства» [14, ст. 143, 144]. В связи с этим, 23 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли пересмотренное Положение о едином сельскохозяйственном налоге: сельскохозяйственный налог фактически был разделен на четыре налога: с единоличных крестьянских хозяйств, с «кулацких» хозяйств, с колхозов и с колхозников.

Власти постарались усилить хозяйственную и материальную привлекательность колхозов. По Положению о едином сельскохозяйственном налоге 1930 г., была установлена пропорциональная система обложения колхозов вместо прогрессивной, которая была рассчитана на регулирование облагаемых доходов. Пропорциональными ставками уравнивалось обложение колхозов с высокими и низкими доходами, так как ставка налога на каждый рубль при увеличении доходности колхоза не повышалась. Осуществлен был также переход к установлению облагаемого дохода не по нормам доходности, а по отчетности. Для колхозников были расширены производственные льготы, для отдельных местностей внесены некоторые изменения в нормы доходности этих хозяйств и т.д. Не облагались налогом доходы, полученные колхозниками от общественного хозяйства. Личные хозяйства колхозников облагались по тем же нормам и ставкам, что и единоличные крестьянские хозяйства, но при этом от обложения освобождался весь принадлежавший им скот (за исключением рабочего). В 1930 г. колхозники не привлекались к самообложению и с них был прекращен сбор «задатков за трактора».

В противовес этому, в 1930 г. значительно был расширен перечень признаков «кулацких» хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению (ст. 29 Положения о едином сельскохозяйственном налоге) [14]. Индивидуальное обложение производилось по особой шкале ставок, предусматривавшей высокий процент изъятия: минимальная ставка с дохода до 500 руб. на хозяйство была установлена в размере 20%; максимальная, с излишка дохода более 6 000 руб. в год – 70% [Там же, ст. 143]. Количество едоков при исчислении налога в расчет не принималось. Практика проведения налога показала, что местные органы власти, используя предоставленное им право, стали расширять установленные признаки кулацких хозяйств. Это привело к массовому обложению в индивидуальном порядке хозяйств середняков. Обложение «кулацких» хозяйств производилось в индивидуальном порядке по повышенным ставкам, возравставшим в крутой прогрессии с увеличением дохода. Привлечение хозяйства к уплате ЕСХН в индивидуальном порядке служило достаточным основанием для наложения на него более высокого взноса по самообложению. Органы местного самоуправления получили право доводить суммы самообложения до 100%-го оклада сельхозналога.

Форсированная коллективизация ускорила резкое падение производительных сил сельского хозяйства. Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить всеобщее крестьянское восстание, правительство официально дезавуировало насильственные методы ее осуществления. 2 марта 1930 г. был опубликован по указанию ЦК ВКП(б) и утвержденный ЦИК и СНК СССР Примерный устав сельхозартели. Одновременно с этим вышла в свет статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Однако попытка силой удержать крестьян в колхозах завершилась провалом. По данным Т. Д. Надькина, за период с 10 по 20 марта 1930 г. в Мордовии вышли из колхозов 18 тыс. хозяйств, к 1 апреля – 80 тысяч хозяйств, к маю – еще 10 тыс. хозяйств. На 1 апреля в колхозах Мордовии оставалось 19,7% крестьянских хозяйств области, на 10 апреля – 9,9% , а на 1 мая – только 8,2% (например, в Пензенском округе – 12,0%), тогда как в Средне-Волжском крае, куда входила область, – около 20,5%, а в целом по СССР – 23,6% [11, с. 41-42].

В постановлении ЦИК и СНК СССР «Об обложении кулацких хозяйств единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке» от 23 декабря 1930 г. совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам предоставлялось право «видоизменять применительно к местным условиям указанные в ст. 29 признаки кулацких хозяйств», а местным исполкомам вменялось «тщательное наблюдение за тем, чтобы не допускалось обложение в индивидуальном порядке середняцких хозяйств и за нарушение этого правила привлекать виновных к строгой административной или судебной ответственности» [15, ст. 6]. По данным налогового управления Наркомфина СССР, в 1929-1930 г. было привлечено к индивидуальному обложению по Средне-Волжскому краю 33317 хозяйств (2,6% всех крестьянских хозяйств), на 1930-1931 г. планировалось обложить 6 848 хозяйств (0,65%) [13, д. 275, л. 35].

Ознакомившись в конце декабря 1930 г. с результатами проведения сельхозналога, ЦИК и СНК СССР признали выявленное количество кулацких хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, явно недостаточным и предоставили республиканским и местным органам право видоизменять применительно к местным условиям признаки кулацких хозяйств [15, ст. 6]. Как верно подметила Е. Буртина, в законе 1931 г. связь индивидуального обложения с эксплуататорскими слоями деревни стала чисто формальной, декларативной и служила идеологическим прикрытием для давления на всех единоличников [2, с. 163].

Так, инструкция Средне-Волжского крайисполкома от 23 апреля 1931 г. устанавливала 18 признаков кулацких хозяйств, согласно которым практически любая деятельность, отдаленно имевшая предпринимательские

черты в прошлом или настоящем, приводила крестьянское хозяйство к индивидуальному обложению [21, д. 113, л. 31]. В ходе сплошной коллективизации была проведена широкомасштабная операция по насильственной административной экспроприации крестьянских семей, отнесенных к «кулацким», и их депортации за пределы постоянного места жительства. Несмотря на это, в 1930-1931 г. продолжился поиск дворов, которые можно было причислить к данному разряду, и их индивидуальное обложение.

Согласно налоговому учету, на 1 июля 1931 г. в Мордовии от сельхозналога были освобождены 25 628 хозяйств (15,93%), обложено налогом в общем порядке 125 054 хозяйства (77,74%), по доходам от продажи сельхозпродуктов – 8 645 хозяйств (5,37%), в индивидуальном порядке – 1 542 хозяйства (0,96%) [19, д. 476, л. 1].

Помимо единого сельскохозяйственного налога единоличники продолжали нести постоянно возрастающую тяжесть других обязательных и «добровольных» платежей. Жестко-административными методами проводились займы и сбор средств на строительство МТС и приобретение ими тракторов, осуществляемый путем «размещения» акций Трактороцентра, «тракторных обязательств» Всесоюзного автотракторного управления, облигаций «займа содействия тракторизации сельского хозяйства» и т.п. Так, основным поводом для проведения раскулачивания в Мордовии была неспособность большинства хозяйств выплатить «тракторные задатки» и другие платежи в сроки, которые им давались, – от 3 до 5 дней [6, с. 37].

В 1930–1935 гг. последовательно проводился курс на выявление всех источников доходов и обложения их сельхозналогом. Это, прежде всего, касалось доходов от кустарно-ремесленных промыслов, работы по найму и других неземледельческих занятий крестьян, а также доходов от продажи продукции на рынке и т.п.

Новое Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. еще более резко дифференцировало обложение колхозов, необобщественной части хозяйств колхозников, единоличных хозяйств и «кулацких» хозяйств [17, ст. 171]. В 1931 г. в состав облагаемого налогом дохода единоличных хозяйств стали включаться доходы от большего количества источников, чем в хозяйствах колхозников. Был отменен необлагаемый минимум по налогу, по которому ранее освобождалось около 30% хозяйств. Освобождение же от уплаты налога отдельных маломощных хозяйств стало производиться по решениям сельских налоговых комиссий.

Система налогов с сельского населения была дополнена в 1931 г. единовременным сбором на хозяйственное и культурное строительство (культсбором) в сельских районах, введенным постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 января 1931 г. [16, ст. 34]. К уплате сбора привлекались единоличные хозяйства, граждане, постоянно проживавшие в данном селении, в том числе не ведшие сельского хозяйства, а также колхозники, имевшие необобщественные доходы. Ставки единовременного сбора устанавливались в процентном отношении к окладу сельхозналога, но не текущего, а предыдущего. Ставки налога были дифференцированы для отдельных групп хозяйств: от 65 до 100% к окладу сельхозналога. Этот сбор проводился, согласно специальным постановлениям правительства, и в течение ряда последующих лет. С 1932 г. к нему стали привлекаться все колхозники, а не только имевшие необобщественные доходы.

Общая сумма поступлений от налоговых платежей сельского населения и колхозов в бюджет в 1931 г. составила 702,6 млн руб., в том числе от сельскохозяйственного налога с колхозников и единоличников 381 млн руб., культсбора с колхозников и единоличников – 244,7 млн руб., сельскохозяйственного налога с колхозов – 76,9 млн руб. [10, с. 135].

19 ноября 1932 г. ЦИК и СНК СССР дополнительно к единому сельхозналогу ввели единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства. Этот налог должен был охватить «возросшие доходы единоличников от продажи продукции по рыночным ценам и от неземледельческих заработков», не охваченных при обложении сельхозналогом. Ставки налога были дифференцированы для отдельных групп хозяйств. Для хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в твердых ставках, они были установлены в сумме 15-20 руб. на хозяйство; для хозяйств, облагавшихся по прогрессивным ставкам, – от 100 до 175% оклада сельхозналога; для «кулацких» хозяйств – 200% от оклада сельхозналога [18, ст. 476].

26 сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР ввели единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства на 1934 г. Как и соответствующий налог 1932 г., он преследовал цель охватить обложением все неземледельческие заработки и рыночные доходы единоличников, не улавливаемые при обложении сельхозналогом. Но в отличие от единовременного налога 1932 г. он был более глубоко дифференцирован.

Суммируя основные налоги, уплачиваемые единоличниками Среднего Поволжья, можно получить следующую тенденцию. Для трудовых хозяйств с доходом от 200 до 700 руб., средний процент изъятия составил в 1931 г. 28%, в 1934 г. – 36,7%. Если в 1931 г. налоговые платежи (сельхозналог, самообложение, культсбор) превышали доходную часть бюджета только у так называемых нетрудовых хозяйств с доходом более 1 500 руб., то со следующего года – уже при минимальном доходе в 500 руб. В 1934 г. хозяйства с доходом от 1 000 руб. должны были выплатить 2 750 руб. налогов. Таким образом, в 1931-1934 гг. общая сумма налогов для крестьянских хозяйств с доходом 500 руб. выросла в 9 раз, с доходом 1 000 руб. – в 3,3 раза, с доходом 1 500 руб. – в 2,7 раза, с доходом 2 000 руб. и выше – в 2,5 раза, с доходом 3 000 – 6 000 руб. и выше – в 2,4 раза [6, с. 46-47].

Таким образом, налоги в годы сплошной коллективизации в значительной степени затрагивали оборотный и основной капитал, что наносило серьезный ущерб производству, вело к разорению крестьянского хозяйства.

Кроме налогов существовали различные виды неналоговых платежей: по обязательному окладному страхованию, за облигации государственных займов, акции Трактороцентра (в 1930 г. для привлечения средств крестьянства выпущено акций на сумму 250 млн руб.) и т.п. Они значительно увеличивали отчисления из дохода единоличников в пользу государства. Так, в 1930 г. по Атяшевскому району Мордовии только II заем индустриализации и страховые платежи составили 53,4% всех крестьянских платежей [20, д. 11, л. 36].

Основные принципы налоговой политики по отношению к единоличным крестьянским хозяйствам, заложенным государством в первой половине 1930-х гг., сохранялись на протяжении длительного периода. Основным крестьянским налогом в период 1931-1938 гг. оставался сельскохозяйственный налог, который в 1931 г. все еще именовался единым, но в 1932 г., в связи с абсолютной очевидностью его неединственности, лишился данного определения.

Усиление налогового пресса вызвало нарастающее сокращение числа единоличных крестьянских дворов и уменьшение по данной категории налогоплательщиков как абсолютных, так и относительных поступлений налогов и сборов. С 1932 по 1937 г. в общей доле налогов и сборов в деревне удельный вес платежей единоличных хозяйств резко уменьшился: с 74,1 до 11,9% (с 1 180,1 млн руб. до 193,6 млн руб.). Доля же платежей колхозов выросла с 7,6 до 32,8%, колхозников – с 17,5 до 53,6%, рабочих, служащих и несельскохозяйственного населения – с 0,8 до 1,7 % [9, с. 87].

1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял новый закон о сельхозналоге [3], по которому было введено прогрессивное обложение всех доходов и для дворов колхозников (как от личного подсобного хозяйства, так и от неземледельческих заработков), т.е. колхозники приравнивались в налоговом обложении к единоличникам. В законе отсутствовали и особый порядок обложения, и само понятие «кулак». Тем самым на уровне налогового законодательства был оформлен вывод об окончательном уничтожении на территории СССР последнего эксплуататорского класса – кулачества. По мнению В. А. Ильиных, в действительности подтверждался ставший важной вехой процесса раскрестьянивания факт ликвидации зажиточности в качестве социального феномена, присущего крестьянству как классу [8, с. 45].

Все возрастающая индустриализация в условиях социалистического общества и милитаризация экономики СССР предопределила полное изъятие прибавочного продукта и превращение крестьянства в сельскохозяйственный пролетариат, т.е. в наемных рабочих, вознаграждаемых по трудодням и работающим, по определению Б. П. Вышеславцева, на «аппарат, как единственного государственного капиталиста и собственника земли» [4, с. 125].

Список литературы

1. **Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.** Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 138 с.
2. **Бургина Е.** Коллективизация без «перегибов»: налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159-174.
3. **Ведомости Верховного Совета СССР.** 1939. № 22.
4. **Вышеславцев Б. П.** Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм. New York: Ch. Pub., 1982. 350 с.
5. **Дьяченко В. П.** История финансов СССР (1917-1950 гг.). М.: Наука, 1978. 493 с.
6. **Еферица Т. В., Марискин О. И., Надькин Т. Д.** Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920-е-1930-е годы. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. 80 с.
7. **Залесский М. Я.** Налоговая политика советского государства в деревне. М.: Госфиниздат, 1940. 119 с.
8. **Ильиных В. А.** Налогово-податное обложение сибирской деревни: конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
9. **История Министерства финансов России:** в 4-х т. М.: ИНФРА-М, 2002. Т. 3. 352 с.
10. **Марьяхин Г. Л.** Налоговая система СССР. М.: Госфиниздат, 1952. 245 с.
11. **Надькин Т. Д.** Сталинская аграрная революция и крестьянство. Саранск: Издательский дом «Курьер-С», 2006. 159 с.
12. **Пискотин М. И.** Налоги с сельского населения в СССР. М.: АН СССР, Ин-т права им. А. Я. Вышинского, 1957. 198 с.
13. **Российский государственный архив экономики.** Ф. 7733. Оп. 7.
14. **Собрание законодательства СССР.** 1930. № 13.
15. **Там же.** 1931. № 1.
16. **Там же.** № 3.
17. **Там же.** № 19.
18. **Там же.** 1932. № 78.
19. **Центральный государственный архив Республики Мордовия.** Ф. Р-147. Оп. 1.
20. **Там же.** Ф. Р-238. Оп. 1.
21. **Там же.** Оп. 4.

TAX POLICY AND CONTINUOUS COLLECTIVIZATION OF AGRICULTURE IN THE USSR: BY THE MATERIALS OF MIDDLE VOLGA REGION

Oleg Ivanovich Mariskin, Doctor in History, Professor
Department of Economic History and Information Technologies
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
mariskinoi@mail.ru

The author researches tax policy role in the continuous collectivization of the USSR agriculture and analyzes the features of the taxation of individual peasant farms, kulak farms, collective farms and collective farmers.

Key words and phrases: single agricultural tax; independent peasantry; individual taxation; collectivization; compulsory payments; taxation burden.